

ДОШКОЛЬНОЕ
ЧТЕНИЕ

И. А. Крылов

Стрекова и Муравей

Басни

«МАЛЫШ»

Соответствует
ФГОС ДО

Иван Андреевич Крылов

Стрекоза и Муравей

Серия «Дошкольное чтение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51832712

Стрекоза и муравей. Басни:

ISBN 978-5-17-121444-9

Аннотация

Иван Андреевич Крылов (1769–1844) – написал великое множество басен, все они вошли в девять прижизненных сборников автора, и многие были переведены на иностранные языки.

Нравоучительные басни И. А. Крылова не узнать невозможно: их отличает живость речи, самобытная форма написания и умение остроумно и незатейливо высмеять человеческие пороки и недостатки.

Помимо известных басен («Стрекоза и Муравей», «Слон и Моська», «Мартышка и очки», «Лебедь, Щука и Рак») в книгу вошло много других, которые не только познакомят ребёнка с народной мудростью, но и расскажут, почему иногда говорят «а воз и ныне там», «слона-то я и не приметил», «а ларчик просто открывался».

Уже более ста лет произведения И. А. Крылова остаются классикой русской литературы.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Лебедь, щука и рак	8
Волк и кот	10
Волк и пастухи	12
Кукушка и петух	13
Ручей	16
Слон и Моська	18
Обезьяны	20
Лжец	22
Мышь и крыса	25
Орёл и куры	28
Стрекоза и муравей	30
Крестьянин и работник	33
Заяц на ловле	37
Волк и журавль	38
Две собаки	41
Кукушка и горlinkка	45
Рыбья пляска	47
Лиса	49
Мальчик и змея	51
Волк на псарне	52
Овцы и собаки	56
Квартет	57
Лисица и осёл	61

Ворона и лисица	63
Обезьяна	65
Мартышка и очки	67
Лев и комар	70
Две бочки	72
Воспитание льва	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Иван Андреевич Крылов

Стрекоза и муравей. Басни

© Савченков И. Ю., илл., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Лебедь, щука и рак

Когда в товарищах согласия нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,

И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:

Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить

не нам;

Да только воз и ныне там.

Волк и кот

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот¹ спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота

И молвит: «Васенька, мой друг! Скажи скорее,
Кто здесь из мужичков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и звук рогов!²
Всё это ведь за мной». – «Проси скорей
Степана;
Мужик предобрый он», – Кот-Васька говорит.
«То так; да у него я ободрал барана». —
«Ну, попробуйся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:
Я у него унёс козлёнка». —
«Беги ж, вон там живёт Трофим». —

¹ Живот – здесь: жизнь.

² Звук рогов – охотничий рожок – древний духовой музыкальный инструмент, служил для подачи сигналов во время охоты.

«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я

с ним:

На меня с весны грозитя за ягнёнка!» —

«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет

Клим!» —

«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» —

«Что вижу, кум! Ты всем в деревне

насолил, —

Сказал тут Васька Волку:

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?³

Нет, в наших мужиках не столько мало толку,

Чтоб на свою беду тебя спасли они.

И правы, — сам себя вини:

Что ты посеял — то и жни».

³ Сулил — обещал.

Волк и пастухи

Волк, близко обходя пастуший двор
И видя, сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнѣхонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
«Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!»

Кукушка и петух

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко,
важно!» —

«А ты, Кукушечка, мой свет,
Как тянешь плавно и протяжно:
Во всём лесу у нас такой певички нет!» —
«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова». —

«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я,
не дождусь,

Чтоб начала ты снова...
Отколь такой берётся голосок?
И чист, и нежен, и высок!..
Да вы уж родом так: собою невелички,
А песни, что твой соловей!» —
«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички.
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им:

«Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит Петуха?

За то, что хвалит он Кукушку.

Ручей

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
Свою беду и свой урон невозвратимый:

Ягнёнок у него любимый

Недавно утонул в реке.

Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:

«Река несытая! что, если б дно твоё

Так было, как моё

Для всех и ясно, и открыто,

И всякий видел бы на тёмном сем дне

Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?

Я чай бы, со стыда ты землю сквозь

прорыла

И в тёмных пропастях себя сокрыла.

Мне кажется, когда бы мне

Дала судьба обильные столь воды,

Я, украшением став природы,

Не сделал курице бы зла:

Как осторожно бы вода моя текла

И мимо хижинки и каждого кусточка!

Благословляли бы меня лишь берега,

И я бы освежал долины и луга,

Но с них бы не унёс листочка.

Ну, словом, делая путём моим добро,

Не приключá нигде ни бед, ни горя,

Вода моя до самого бы моря
Так докатилась чиста, как серебро».
Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
И что ж? Не минуло недели,
Как туча ливная над ближнею горой
Расселась:
Богатством вод Ручей сравнился вдруг
с рекой;
Но, ах! куда в Ручье смиренность
делась?
Ручей из берегов бьёт мутною водой,
Кипит, ревёт, крутит нечисту пену в клубы,
Столетние валяет дубы,
Лишь трески слышны вдалеке;
И самый тот пастух, за коего реке —
Пенял недавно он каким кудрявым складом,
Погиб со всем своим в нём стадом,
А хижины его пропали и следы.

Слон и Моська

По улицам Слона водили,
Как видно напоказ —
Известно, что Слоны в диковинку у нас —
Так за Слоном толпы зевак ходили.
Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.
Увидевши Слона, ну́ на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, так и лезет в драку с ним.
«Соседка, перестань срамиться, —
Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном
возиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт
Вперёд
И лаю твоего совсем не примечает». —
«Эх, эх! — ей Моська отвечает, —
Вот то-то мне и духу придаёт,
Что я, совсем без драки,
Могу попасть в большие забияки.
Пусть же говорят собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»

Обезьяны

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать,
И боже сохрани, как худо!

Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела

По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;

Затеям у него так, право, нет конца:
То кувырknётся,
То развернётся,
То весь в комок
Он так сберётся,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на всё не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!

Не худо бы нам это перепить.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось уйдёт, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушёл и сети им оставил.
«Что ж», говорят они: «и время нам терять?
Пойдём-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей
Нú в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат – веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерёг
И, видя, что пора, идёт к гостям с мешками,
Они, чтоб наутёк,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.

Лжец

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счёту прилыгал.

«Нет, – говорит, – что́ я видал,

Того уж не увижу боле.

Что́ здесь у вас за край?

То холодно, то очень жарко,

То солнце спрячется, то светит слишком ярко.

Вот там-то прямо рай!

И вспомнишь, так душе отрада!

Ни шуб, ни свеч совсем не надо:

Не знаешь век, что есть ночная тень,

И круглый божий год всё видишь майский

день.

Никто там ни сажит, ни сеет:

А если б посмотрел, что там растёт и зреет!

Вот в Риме, например, я видел огурец:

Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!

Поверишь ли? ну, право, был он

с гору». —

«Что за диковина! – приятель отвечал, —

На свете чудеса рассеяны повсюду;

Да не везде их всякий примечал.

Мы сами, вот, теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,

И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,

Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и прост,

А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нём пройти не смеет:

До половины не дойдёт —

Провалится и в воду упадёт;

Но кто не лжёт,

Ступай по нём, пожалуй, хоть в карете». —

«А какова у вас река?» —

«Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет

на свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал

о нём?» —

«Гора хоть не гора, но, право, будет

с дом». —

«Поверить трудно!

Однако ж как ни чудно,

А всё чудён и мост, по коем мы пойдём,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней ещё весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной
Диковинка, коль это справедливо». —
«Ну, не такое ещё диво;
Ведь надо знать, как вещи есть:
Не думай, что везде по-нашему хоромы;
Что́ там за дома:
В один двоим за ну́жду влезть,
И то ни стать, ни сесть!» —
«Пусть так, но всё признаться дб́жно,
Что огурец не грех за диво счесть,
В котором двум усесться можно.
Однако ж, мост-ат наш каков,
Что Лгун не сделает на нём пяти шагов,
Как тотчас в воду!
Хоть римский твой и чуден огурец...» —
«Послушай-ка, – тут перервал мой Лжец, —
Чем на мост нам итти,
поищем лучше броду».

Мышь и крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —

Вбежавши, Крысе Мышь сказала, —

Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?

Вот отдохнуть и нам пора настала!» —

«Не радуйся, мой свет, —

Ей Крыса говорит в ответ, —

И не надейся по-пустому!

Коль до когтей у них дойдёт,

То, верно, льву не быть живому:

Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:

Когда боится трус кого,

То думает, что на того

Весь свет глядит его глазами.

Орёл и куры

Желая светлым днём вполне налюбоваться,

Орёл поднёбесью летал

И там гулял,

Где молнии рождаются.

Спустившись, наконец, из облачных вышин,

Царь-птица отдыхать садится на овин⁴.

Хоть это для Орла насесток незавидный,

Но у Царей свои причуды есть:

Быть может, он хотел овину сделать честь,

Иль не было вблизи, ему по чину сесть,

Ни дуба, ни скалы гранитной;

Не знаю, что за мысль, но только что Орёл

Не много посидел

И тут же на другой овин перелетел.

Увидя то, хохлатая наседка

Толкует так с своей кумой:

«За что Орлы в чести такой?

Неужли за полёт, голубушка соседка?

Ну, право, если захочу,

С овина на овин и я перелечу.

Не будем же вперёд такие дуры,

Чтоб почитать Орлов знатнее нас.

⁴ Овин — хозяйственная постройка, в которой сушились снопы перед молотьюбой.

Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
Да ты же видела сейчас,
Что по́ низу они летают так, как куры».
Орёл отвечает, наскуча вздором тем:
«Ты права, только не совсем.
Орлам случается и ниже кур спускаться;
Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты, —
Считать их слабости трудов не трать
напрасно;
Но, чувствуя, что́ в них и сильно, и прекрасно,
Умей различны их постигнуть высоты.

Стрекоза и муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.

Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Крестьянин и работник

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят,
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик-Крестьянин с Батраком
Шёл под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает,
И где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милой!» —
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес со всей собравшись

силой,

Что только было в нём,
Отнёс полчерепа медведю топором

И брюхо проколол ему железной вилой.

Медведь взревел и замертво упал:

Медведь мой издыхает.

Прошла беда; Крестьянин встал,

И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.

«Помилуй, – говорит, – за что?» —

«За что, болван!

Чему обрадовался сдуру?

Знай колет: всю испортил шкуру!»

Заяц на ловле

Большой собравшись гурьбой,
Медведя звери изловили;
На чистом поле задавили —
И делят меж собой,
Кто что себе достанет.

А Заяц за ушко медвежье тут же тянет.

«Ба, ты, косой, —

Кричат ему, — пожаловал отколе?

Тебя никто на ловле не видал». —

«Вот, братцы!» Заяц отвечал:

«Да из лесу-то кто ж, — всё я его пугал

И к вам поставил прямо в поле

Сердечного дружка?»

Такое хвастовство хоть слишком было явно,

Но показалось так забавно,

Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,

А часто в дележе им доли достаются.

Волк и журавль

Что волки жадны, всякий знает:

Волк, евши, никогда

Костей не разбирает.

За то на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот, кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шее

Засунул к Волку в пасть и с трудностью

большую

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный, —
«Тебе за труд? Ах, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унёс!

Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

Две собаки

Дворовый, верный пёс
Барбос,
Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластая, как будто бы к родне,
Он, с умиленья чуть не плачет,
И под окном
Визжит, вертит хвостом
И скачет.
«Ну, что, Жужутка, как живёшь,

С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь, помнишь: на дворе мы часто голодали.

Какую службу ты несёшь?» —

«На счастье грех роптать, – Жужутка

отвечает, —

Мой господин во мне души не чает;

Живу в довольстве и добре,

И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
Ты как живёшь?» – «Я, – отвечал

Барбос,

Хвост плетью опуствя и свой повеся нос, —
Живу по-прежнему: терплю и холод,
И голод,
И, сберегаячи хозяйский дом,
Здесь под забором сплю и мокну

под дождём;

А если невпопад залаю,
То и побои принимаю.
Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем, как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?» – «Чем служишь!

Вот прекрасно!»

С насмешкой отвечал Жужу. —
На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках

ходят!

Кукушка и горлинка

Кукушка на суку печально куковала.

«Что, кумушка, ты так грустна?»

Ей с ветки ласково Голубка ворковала:

«Или о том, что миновала

У нас весна

И с ней любовь, спустилось солнце ниже,

И что к зиме мы стали ближе?» —

«Как, бедной, мне не горевать?»

Кукушка говорит: «Будь ты сама судьёю:

Любила счастливо я нынешней весною,

И, наконец, я стала мать;

Но дети не хотят совсем меня и знать:

Такой ли чаяла от них я платы!

И не завидно ли, когда я погляжу,

Как увиваются вокруг матери утаты,

Как сыплют к курице дождём по зву цыпляты:

А я, как сирота, одним-одна сижую,

И что́ есть детская приветливость —

не знаю». —

«Бедняжка! о тебе сердечно я страдаю;

Меня бы нелюбовь детей могла убить,

Хотя пример такой не редок;

Скажи ж — так-стало, ты уж вывела и деток?

Когда же ты гнездо успела свить?

Я этого и не видала:
Ты всё порхала, да летала». —
«Вот вздор, чтоб столько красных дней
В гнезде я, сидя, растеряла:
Уж это было бы всего глупей!
Я яйца всегда в чужие гнёзды клала». —
«Какой же хочешь ты и ласки от детей?»
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вам басни сей урок.
Я рассказал её не детям в извиненье:
К родителям в них непочтенье
И нелюбовь — всегда порок;
Но если выросли они в разлуке с вами,
И вы их вверили наёмничьим рукам:
Не вы ли виноваты сами,
Что в старости от них утехи мало вам?

Рыбья пляска

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонёк,
Наудя рыб, изжарить их собирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец,

метался.

На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» – спросил сердито

Лев.

«Всесильный царь! – сказал Мужик, оторопев,
Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды

Поздравить здесь тебя с твоим приходом». —
«Ну, как они живут? Богат ли здешний

край?» —

«Великий государь! Здесь не житьё им – рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».

(А рыбы между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, – Лев спросил, – скажи ты

мне,

Они хвостами так и головами машут?» —
«О, мудрый царь! – Мужик

ответствовал, – оне

От радости, тебя увидя, пляшут».

Тут, старосту лизнув Лев милостливо в грудь,

Еще изволя раз на пляску их взглянуть,

Отправился в дальнейший путь.

Лиса

Зимой, ранёхонько, близ жи́ла,
Лиса у проруби пила в большой мороз.
Меж тем, оплошность ли, судьба ль
(не в этом сила),

Но – кончик хвостика Лисица замочила,
И ко льду он примёрз.
Беда не велика, легко б её поправить:
Рвануться только посильней
И волосков хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорей.
Да как испортить хвост?

А хвост такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нет, лучше подождать – ведь спит ещё

народ;

А между тем, авось, и оттепель придёт,
Так хвост от проруби оттаёт.
Вот ждёт-пождёт, а хвост лишь боле

примерзает.

Глядит – и день светает,
Народ шевéлится, и слышны голоса.
Тут бедная моя Лиса
Туда-сюда метаться;

Но уж от проруби не может оторваться.
По счастью, Волк бежит. — «Друг милый! кум!
отец!»

Кричит Лиса: «спаси! Пришёл совсем конец!»

Вот кум остановился —
И в спасенье Лисы вступился.
Приём его был очень прост:
Он на́чисто отгрыз ей хвост.
Тут, без хвоста, домой моя пустилась

дура.

Уж рада, что на ней цела осталась

шкура.

Мне кажется, что смысл не тёмен басни сей.
Щепотки волосков Лиса не пожалей —
Остался б хвост у ней.

Мальчик и змея

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил Змею и, вбззрившись, от страха
Стал бледен, как его рубаха.
Змея, на Мальчика спокойно посмотря,
«Послушай, – говорит, – коль ты умней
не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдёт.
На сей раз бог простит; но берегись вперёд,
И знай, с кем шутишь!»

Волк на псарне

Волк, ночью, думая залезть в овчарню,

Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.

Почуя серого так близко забияку,

Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор;

В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьём,

Иной с ружьём.

«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнём.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.

Зубами щёлкая и ошетиная шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом,

И что приходит, наконец,

Ему рассчестся за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришёл мириться к вам, совсем не ради

ссоры;

Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» – «Послушай-ка, сосед, —
 Тут ловчий перервал в ответ, —
 Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
 Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Овцы и собаки

В каком-то стаде у Овец,
Чтоб Волки не могли их более тревожить,
Положено число Собак умножить.
Что ж? Развелось их столько наконец,
Что Овцы от Волков, то правда, уцелели,
Но и Собакам надо ж есть;
Сперва с Овечек сняли шерсть,
А там, по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталось всего Овец пять-шесть,
И тех Собаки съели.

Квартет

Проказница-Мартышка,
Осёл,
Козёл,
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет.
Достали нот, баса, альта, две скрипки
И сели на лужок под липки, —
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. —
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима, сяду против вторы;
Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постойте ж, я сыскал секрет! —
Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;
А всё-таки Квартет нейдёт на лад.
Вот, пуще прежнего, пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему,
чтоб их решить сомненье.

«Пожалуй, – говорят, – возьми на час
терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привести:

И ноты есть у нас, и инструменты есть;

Скажи лишь, как нам сесть!» —

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье

И уши ваших понежней, —

Им отвечает Соловей, —

«А вы, друзья, как ни садитесь,

Всё в музыканты не годитесь».

Лисица и осёл

«Отколе, умная, бредёшь ты, голова?» —
Лисица, встретяся с Ослом, его

спросила. —

«Сейчас лишь ото Льва!

Ну, кумушка, куда его девалась сила:

Бывало, зарычит, так стонет лес кругом,

И я, без памяти, бегом,

Куда глаза глядят, от этого урода;

А ныне в старости и дряхл и хил.

Совсем без сил,

Валяется в пещере, как колода.

Поверишь ли, в зверях

Пропал к нему весь прежний страх,

И поплатился он старинными долгами!

Кто мимо Льва ни шёл, всяк вымещал ему

По-своему:

Кто зубом, кто рогами...»

«Но ты коснуться Льву, конечно,

не дерзнул?» —

Лиса Осла перерывает.

«Вот-на! — Осёл ей отвечает. —

А мне чего робеть? и я его лягнул:

Пуškai ослиные копыта знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
 Но упади лишь с высоты:
От первых жди от них обиды и досады.

Ворона и лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё
не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит,
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели,
сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещуньина с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Обезьяна

Как хочешь ты трудись;
Но приобрести не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы,
ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать!⁵
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, – как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!
Хлопот
Мартышке полон рот:
Чурбан она то понесёт,
То так, то сяк его обхватит,
То поволочет, то покатит;
Рекой с бедняжки льётся пот;

⁵ Исполать – с греч. хвалить, славить.

И наконец она, пыхтя, насилу дышит:

А всё ни от кого похвал себе

не слышит.

И не диковинка, мой свет!

Мартышка и очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;

А у людей она слыхала,

Что это зло ещё не так большой руки:

Лишь стоит завести Очки.

Очков с полдюжины себе она достала;

Вертит Очками так и сяк:

То к темю их прижмёт, то их на хвост

нанижет,

То их понюхает, то их полижет;

Очки не действуют никак.

«Тьфу пропасть! – говорит она, – и тот

дурак,

Кто слушает людских всех врак:

Всё про Очки лишь мне нагали;

А проку на волос нет в них».

Мартышка тут с досады и с печали

О камень такхватила их,

Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Лев и комар

Бессильному не смейся
И слабого обидеть не моги!
Мстят сильно иногда бессильные враги:
Так слишком на свою ты силу не надейся!
Послушай басню здесь о том,
Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
Вот что о том я слышал стороною:
Сухое к Комару явил презрение Лев;
Зло взяло Комара: обиды не стерпев,
Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
Сам ратник, сам трубач пищит во всю гортань
И вызывает Льва на смертоносу брань.
Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву
он трубит!

И, место высмотрев и время улуча⁶,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец⁷ всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увёртлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосёт.
Лев голову крутит, Лев гривую трясёт;

⁶ Время улуча – выбрав самое удобное время.

⁷ Крестец – нижняя часть поясницы.

Но наш герой своё несёт:
То в нос забьётся Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рёв,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерёт когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; всё кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришёл потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!
Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
О землю грянулся и миру запросил.
Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
Из Ахиллеса⁸ вдруг становится Омиром⁹,
И сам
Летит трубить свою победу по лесам.

⁸ Ахиллес – доблестный древнегреческий воин.

⁹ Омир – древнегреческий поэт Гомер.

Две бочки

Две Бочки ехали; одна с вином,

Другая

Пустая.

Вот первая – себе без шуму и шажком

Плетётся,

Другая вскачь несётся;

От ней по мостовой и стукотня, и гром,

И пыль столбом;

Прохожий к стороне скорей от страху жмётся,

Её слышавши издалека.

Но как та Бочка ни громка,

А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку,
Кто де'лов истинно, – тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

Воспитание льва

Льву, Кесарю¹⁰ лесов, Бог сына даровал.

Звериную вы знаете природу:

У них, не как у нас – у нас ребёнок году,

Хотя б он царский был, и глуп, и слаб,

и мал;

А годовалый Львёнок

Давно уж вышел из пелёнок.

Так к году Лев-отец не шуткой думать стал,

Чтобы сына невежей не оставить,

В нём царску честь не уронить,

И чтоб, когда сынку придётся царством

править,

Не стал бы за сына народ отца бранить.

Кого ж бы попросить, нанять или заставить

Царевича Царём на выучку поставить?

Отдать его Лисе – Лиса умна:

Да лгать великая охотница она;

А со лжецом во всяком деле

мука:

Так это, думал Царь, не царская наука.

Отдать Кроту: о нём молва была,

Что он во всём большой порядок

любит:

¹⁰ Кесарь – владыка, монарх; титул римских императоров.

Без ошупи шага́ не ступит
И всякое зерно для своего стола
Он сам и чистит, сам и лупит;
И словом, слава шла,
Что Крот великий зверь на малые дела:
Беда лишь, под носом глаза Кротовы зорки,
Да вдаль не видят ничего;
Порядок же Кротов хорош, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барс отважен и силен,
А сверх того, великий тактик он;
Да Барс политики не знает:
Гражданских прав совсем не понимает,
Какие ж царствовать уроки он подаст!
Царь должен быть судья, министр и воин;
А Барс лишь резаться горазд:
Так и детей учить он царских недостоин.
Короче: звери все, и даже самый Слон,
Который был в лесах почтён,
Как в Греции Платон¹¹

¹¹ Платон – древнегреческий философ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.